

ПЕРВАЯ
НЕСКУЧНАЯ КНИГА
О НАСТОЛЬНОМ
ТЕННИСЕ

ПРОШУ К СТОЛУ!

МАКСИМ ШМЫРЁВ

ТРЁХКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА
И ДЕВЯТНАДЦАТИКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН
РОССИИ

Максим Шмырев

**Прошу к столу. Первая нескучная
книга о настольном теннисе**

«ЭКСМО»

2020

УДК 796.386
ББК 75.577.6

Шмырев М. В.

Прошу к столу. Первая нескучная книга о настольном теннисе /
М. В. Шмырев — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-600-02835-7

Эта книга — не учебник, хотя в ней и любители, и профессионалы найдут немало полезного. И не мемуары, хотя она охватывает период с конца 70-х годов XX века до настоящего времени. Эта книга — о нашей жизни через призму настольного тенниса, которому ее автор посвятил более 40 лет. О победах и поражениях, преодолении и слабости, благородстве и равнодушии. И, конечно, о выдающихся спортсменах и тренерах, с которыми автору посчастливилось встретиться. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.386

ББК 75.577.6

ISBN 978-5-600-02835-7

© Шмырев М. В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Шмырев

Прошу к столу

Первая нескучная книга о настольном теннисе

Вступление

Настольный теннис – самая популярная игра в мире. И не только потому, то этот спорт давно стал № 1 в полуторамиллиардном Китае. Почти каждый человек хотя бы раз в жизни брал в руки маленькую ракетку и с азартом бил по белому шустрому мячику. Для кого-то был важен результат, для других – сам процесс, а многие играли за компанию.

Мне было шесть с половиной лет, когда отец повел моего старшего брата записываться в секцию тенниса, а меня взял как раз за компанию. Волею случая я оказался в зале и начал заниматься. Эпопея продолжается до сих пор. Обожаю настольный теннис во всех проявлениях. Игра вызывает у меня такие же свежие и яркие эмоции, как 40 лет назад, независимо от того, сам ли выхожу к столу или наблюдаю за игрой со стороны как тренер или зритель. Правильно сказано, возраст – не количество лет, а отношение к жизни. Я ощущаю себя молодым, хотя скоро «полтинник» и вроде бы время подводить первые итоги.

И все же «Прошу к столу!» – не мемуары ветерана, чьи виски посеребрила седина. Воспоминания в книге, конечно, присутствуют, от этого не уйти, когда рассказываешь о событиях прошлого века. Как изящно сформулировала Марина Цветаева: «Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра». Мне хотелось рассказать именно сегодня про живущее в моей памяти вчера, чтобы стало понятней и интересней наше завтра. В моей книге я анализирую, как устроен настольный теннис, рассказываю о людях, посвятивших ему свою жизнь, о преодолении, без которого невозможны победы, о случайностях, изменяющих судьбу, и о будущем, ради которого каждый день продолжаю приходить в спортивный зал.

И все же «Прошу к столу!» – не мемуары ветерана, чьи виски посеребрила седина.

В детстве у меня была мечта – стать чемпионом мира. Она не сбылась – не хватило таланта, упорства, удачи или чего-то еще. Но все же я давно и безнадежно счастлив. Пусть проиграл три финала чемпионатов России, но ведь в пяти победил! Еще раз ...дцать завоевывал золотые медали в парах и командных состязаниях, был даже кубок «За волю к победе». В далеком 1985 году мне, 14-летнему, его вручил в Оренбурге легендарный Виктор Михайлович Андреев, создатель знаменитого клуба «Факел-Газпром», который стал лучшей командой в моей спортивной карьере. Всегда с теплотой вспоминаю те времена и знаю, что меня помнят в Оренбурге. И не только там.

«Совсем недавно вспоминал тебя в разговоре со своей новой ученицей Надеждой Богдановой, – написал мне белорус Александр Николаевич Петкевич, тренер моего друга Владимира Самсонова, когда я попросил его прислать несколько строк для вступления к книге. – Приводил в качестве примера, как надо двигаться и стоять в стойке у стола... Наверное, что-то есть в нашей жизни наподобие телепатии. Конечно же, мне всегда нравилось твое профессиональное отношение к настольному теннису, и ты для меня, как для тренера, был положительным примером в работе. Ты действительно был лучшим у Евгения Олеговича Эделя за всю

его тренерскую карьеру. Помимо спортивных качеств, хочу отметить твою интеллигентность. Очень хорошо, что у тебя возникло желание вспомнить нашу прошлую спортивную жизнь и написать о ней книгу. Интересных моментов было много, и тебе есть что написать. Вспоминаю стадион «Лужники», где проходили наши сборы, и открытый олимпийский бассейн. Мы тогда почти ежедневно ходили туда плавать, и я решил с тобой посоревноваться, кто дальше нырнет. В то время мне было 34 года, и я чувствовал себя в хорошей спортивной форме. Так вот, ты предложил (а может быть, это я затеял спор), что, сколько бы я ни проплыл под водой, ты проплывешь на метр дальше! Я себя считал хорошим пловцом именно под водой и был уверен в победе. Но на деле все оказалось именно так, как ты и сказал: я проплыл метров сорок, а ты ровно на метр дальше! На тот момент ты был феноменально подготовлен физически. Быстрота, выносливость, скорость передвижения, реакция – все это придавало особый колорит твоей игре, и по стилю ты не был похож на остальных. Моему лучшему ученику Владимиру Самсонову всегда было трудно с тобой играть. Молниеносные перекрутки, сложные подачи, суперконцентрация – твои основные козыри, против которых многие соперники были бессильны. Уверен, книга получится интересной».

«Сколько бы ни было травм, Макс всегда продолжал бороться. Добился многого в настольном теннисе и достиг вершин в пинг-понге. Открыл свою школу и это только начало. Удачи во всем, Макс!» – это уже слова Владимира Самсонова, многократного обладателя Кубка мира и чемпиона Европы, с которым мы в начале 90-х годов прошлого века несколько лет подряд жили в Дюссельдорфе в одной квартире.

Петр Корбел, призер чемпионатов мира и Европы, вспомнил, как я его выручил более 30 лет назад. «Никогда не забуду, как мы встретились в первый раз, – написал мне мой чешский друг. – Это было на юношеском чемпионате Европы 1988 года в городе Нови-Сад. В полуфинал, кроме меня, вышли вы трое, игроки из команды СССР. Мне не с кем было размяться перед игрой. А ты согласился! В моих глазах ты настоящий друг, всегда готовый прийти на помощь».

Это было мое первое первенство Европы, куда я попал запасным и потому за играми командного турнира смотрел со скамейки. А вот в личных соревнованиях завоевал бронзу, а Петр стал чемпионом Европы.

Приятно вспоминать такие эпизоды. И, честно признаюсь, не менее приятно, когда великие игроки и тренеры признают твои достоинства.

«Макс обладал большим потенциалом, обыграть его было очень сложно. Когда он был в форме, мог победить любого в мире», – так говорит легендарный швед Петер Карлссон, пятикратный чемпион мира и Европы.

«Всегда было очень тяжело и опасно играть против Максима. Он был самым быстрым игроком с сумасшедшими ударами с обеих сторон. Во время наших встреч я всегда находился под сильным давлением. Всегда с большим уважением относился к нему и его игре», – это уже слова знаменитого бельгийца Жан-Мишеля Сэва, чемпиона Европы и призера чемпионата мира.

«Максим – выдающийся спортсмен и хороший друг. Его готовность тренироваться и исключительная мотивация уникальны в нашем виде спорта», – так считает хорват Зоран Приморац, чемпион Европы и призер чемпионатов мира и Олимпийских игр.

«Все уже закончили тренироваться, а Максим хочет продолжать. Мне всегда нравилось, как он играет. Но я рад, что не оказался на месте его тренера, так как в его игре всегда было очень много риска», – вспоминает хорват Марио Амизич, знаменитый тренер, с которым мне довелось работать в Дюссельдорфе.

«Максим был моим другом и в теннисные годы, остается им и сейчас. Он вкладывает сердце во все, чем занимается», – пишет легендарный швед Йорген Перссон.

О Самсонове, Вальднере, Овчарове, Шлагере, Перссоне, Корбеле и других звездах я подробно рассказываю в книге, потому что со многими дружил, со многими встречался за столом (и не только теннисным), и игру многих анализировал, пытаюсь понять их феномен.

Отдельный, серьезный, но не скучный разговор о советской и российской школах настольного тенниса, о китайской и японской системах подготовки спортсменов высшего уровня и о том, каким мне видится будущее нашего вида спорта в России и в мире.

Для самых стойких и терпеливых моих читателей в конце книги я расскажу о близких и друзьях, с которыми иду по жизни. Без них я не был бы счастлив! Как и сотни миллионов людей по всему миру, многие из них играют в настольный теннис. Но есть и те, кто к нему равнодушен и просто терпит меня, понимая, что от многолетней болезни под названием настольный теннис мне уже не излечиться. Так что, «Прошу к столу!».

Глава 1

Операция «Суперфинал»

Утром 11 июня 2006 года, хромая после операции на связке колена, я с костылем под мышкой захожу в спорткомплекс «Чертаново». Сегодня здесь проходит решающий матч за первое место в клубном чемпионате России между «ТНК-ВР» (Сорочинск) и моей командой «Факел-Газпром». Сажусь в спортивном костюме на скамейку перед игровым столом и наблюдаю за предматчевой разминкой. Знаю, что скоро наши соперники, да и многие из присутствующих в зале, испытают шок. Произойдет что-то невообразимое и неожиданное для всех. А пока сижу на скамейке и прокручиваю в голове варианты возможных розыгрышей очков в матче с «ТНК». Проходит несколько минут, тренеры подают заявки на матч и... смотрю на Игоря Подносова. На лице тренера «ТНК-ВР» написано – он не верит, что меня, хромого, с негнушейся после операции ногой, поставили на важнейший матч года.

Связку надколенника я снова разорвал в декабре 2005 года. Во второй раз в жизни оперировался в ЦИТО и после двух с половиной месяцев лечения вышел из больницы. Нogu зарабатывал, сгибал ее уже на 70–80 градусов, однако хроمال еще прилично. Врачи разрешили тренироваться через 3–4 месяца и предупредили, что в следующий раз «пришивать связку будет некуда». И все же для себя я поставил задачу сыграть в суперфинале, так как чувствовал вину перед командой и друзьями-коллегами.

За четыре недели до суперфинала я начал тренироваться. Мне не хотелось, чтобы лишние глаза наблюдали за занятиями «инвалида», и я договорился с моими друзьями-теннисистами играть по утрам в «Чертаново». Благо в это время в зале почти никого не бывало. Сегодня понимаю, что с моей стороны это были авантюра, сумасшествие и безумие. Но также знаю, что в первую очередь я доказывал самому себе, что справлюсь. А еще не хотелось подводить своих оренбургских друзей и команду.

Коварные мысли, что не справлюсь и не успею подготовиться, я с позором гнал из своей увлеченной головы. У меня уже был опыт прошлых травм, и я осознавал, как сложно восстанавливаться после таких операций. Врачи хорошо меня зашили и уверяли, что связки рваться больше не будут. Они явно не рассчитывали на мои чудачества и легкомысленное упрямство – позже я рвал эти связки еще дважды.

Восстановление идет быстрее, если веришь в себя и ставишь перед собой цель. Решил в больнице отрепетировать матчи против главных конкурентов в суперфинале – Игоря Рубцова, Алексея Ливенцова и Василия Лакеева. Это сейчас в Ютубе легко найти игры всех более-менее известных теннисистов на любых турнирах. Тогда же я попросил друзей привезти мне в больницу видеозаписи с матчами будущих соперников.

Коварные мысли, что не справлюсь и не успею подготовиться, я с позором гнал из своей увлеченной головы.

Трудно поверить, но я составил план игры на каждое очко с каждым из них! Записи до сих пор лежат где-то у меня в шкафу. Причем спланировал, как должен играть не здоровый, а больной и ограниченный в движении Шмырев. Поверьте, я понимал, что шансов против трех игроков сборной России у меня, мягко говоря, маловато. То есть совсем нет! Во время тренировок в «Чертаново» картина была печальной: хромой мужик в негнушемся наколеннике пытается играть в теннис, не отходя от стола. Получалось хреновенько. К мячу опаздывал, морщился от боли и что-то бормотал себе под нос. Ему бы на костылях ходить, а не ракеткой размахивать! О костылях я вновь вспомнил накануне суперфинала. Но об этом позже.

В тот раз в декабре 2005 года в клинику ЦИТО я попал по собственной глупости. Тогда там же, в «Чертаново», проходил очередной тур клубного чемпионата России. За «Факел-Газ-

пром» мы выступали вместе с друзьями-одноклубниками – разудалым Сергеем Андриановым, надежным Евгением Регентовым и разумным Иваном Москаевым. Наш клуб держался на энтузиазме и энергии удивительного человека Виктора Михайловича Андреева. Для него «Факел Газпром» был главным делом всей жизни. Много лет он работал тренером в спортшколе и мечтал создать в Оренбурге суперкоманду. Очень напоминавший мне доброго, но насупленного Винни-Пуха, Виктор Михайлович шел к цели, преодолевая любые преграды. У скрупулезного Андреева всегда и все было организовано на высшем уровне. Перед важнейшими матчами он, педантичный и требовательный, вводил нас в состояние, когда мы понимали, что не имеем права на ошибку. Поначалу Виктор Михайлович приходил на заключительные тренировки и лично все проверял: игровые задания, командный настрой, даже стрелки на шортах. Поправлял каждый бортик в зале и перевешивал афишу матча, если ему не нравилось, как она висит. «Ни на кого нельзя положиться, – ворчал он. – Правильно говорят: хочешь сделать хорошо, сделай сам». Андреев проводил собрания перед матчем, заставлял запомнить расписание игр, а после отдельно просил каждого повторить зазубренное.

Во время тренировок в «Чертаново» картина была печальной: хромым мужик в негнущемся наколеннике пытается играть в теннис, не отходя от стола.

Позже он все же доверил подготовку к матчу и расстановку бортиков директору клуба, своему в доску, Юрию Анатольевичу Памшеву и нашему волшебнику-доктору «всегдаготов-помочь» Сергею Михайловичу Подлужному. Все мы – Жека Регентов, Сержио Андрианов, Ваню Москаев и я – с неизменным уважением относились к Виктору Михайловичу. Знали, как он всей душой болеет за команду и всегда держит слово. Он пробивал дополнительные премии, обеспечивал игроков служебным жильем, старался поддержать всех спортсменов и сотрудников клуба, даже организовывал команде совместный отпуск. С улыбкой вспоминаю наши клубные поездки на отдых в Сочи. Однажды моя жена Галя даже расплакалась из-за советского сервиса и тараканов в гостинице «Жемчужина». С ней мы пару лет провели в Германии и знали, каким должен быть сервис на хорошем курорте. Как капитан команды, я предлагал Виктору Михайловичу лучшие и более экономные варианты для отдыха, но наш начальник, настоящий коммунист (в хорошем смысле) и негибачный патриот, возражал: «Я всю жизнь с семьей ездил в Сочи. Это было лучшее место отдыха в СССР! Моя команда и сегодня будет жить в «Жемчужине»!» Нам оставалось только соглашаться.

С Андреевым мы познакомились еще в 80-е годы, когда он работал тренером в оренбургской спортшколе. В 1985 году в Оренбурге проходил командный Кубок СССР, на котором мне, «обязательному» юноше (регламент требовал включать в команду молодого игрока), удалось сенсационно победить Андрея Мазунова и Игоря Солопова. Тогда я навел шороху и получил из рук Андреева, главного судьи турнира, хрустальный тяжеленный кубок «За волю к победе». Он до сих стоит у меня дома на видном месте. Такой же, только переходящий кубок дали команде-победительнице за первое место!

В середине 80-х никто даже подумать не мог, что в XXI веке благодаря энтузиазму Андреева, в Оренбурге будет построен один из лучших в Европе центров настольного тенниса, а команда «Факел-Газпром» пять раз выиграет Лигу чемпионов. В 90-е город Оренбург стал важной точкой на карте настольного тенниса России. Там три года подряд проводился чемпионат страны. Андреев говорил мне: «Будет сильная команда, обязательно приглашу тебя, Максим». И сдержал обещание. Регентов и Москаев вывели «Факел» в высшую лигу, и в 2003-м Андреев позвал меня в команду. После десяти лет в бундеслиге я решил принять предложение. Да и задачу Андреев поставил амбициозную – выиграть клубный чемпионат. Забегая вперед, скажу, что с «Факелом» нам удалось это сделать дважды.

Нашим главным конкурентом была очень сильная команда «ТНК-ВР» из Сорочинска, городка нефтяников в 170 километрах от Оренбурга. ТВ и пресса Оренбурга, поделенная на «газовую» и «нефтяную», внимательно следила за нашим соперничеством. Несколько лет подряд матчи между «Факелом» и «ТНК-ВР» были главными в сезоне, почти как между футбольными «Реалом» и «Барселоной» в Испании. Когда нам удавалось победить в оренбургском дерби, СМИ нефтяников сообщали, что «ТНК-ВР» занял 2-е место, выиграв все матчи при одном поражении. Было забавно за этим наблюдать. Кому проиграли, разумеется, не сообщалось... Мы побеждали чаще до тех пор, пока на суперфинал сезона 2006/07 Сорочинск не взял в команду тайваньца Чуан Чи-Юаня, третьего в мире по рейтингу.

Андреев говорил мне: «Будет сильная команда, обязательно приглашу тебя, Максим». И сдержал обещание.

За два месяца до матча с Сорочинском Андреев превращался в вулкан. Проводил собрания и накалял обстановку: «Проигрывать нельзя. На матч приедет президент «Газпрома». Отступать некуда, позади Москва!» За победу над Сорочинском нам полагались специальные призовые. По меркам настольного тенниса мы зарабатывали большие деньги – по несколько тысяч долларов в месяц. За победы в чемпионате, Кубке России или европейских кубковых встречах Андреев выдавал дополнительные призовые. В одном из сезонов за победу в чемпионате России мы получили по десять тысяч долларов. Каждый. И по совету друзей клуба нам подарили автомашину «Лада». Новую модель!

В декабре 2005 года завершалась первая половина сезона. В «Чертаново» собрались клубы обеих групп премьер-лиги, в том числе «Факел» и «ТНК-ВР». Игра против главного соперника у нас сразу не заладилась, и я уступил Василию Лакееву со счетом 1:3. Мои товарищи по команде тоже дрогнули, и мы проиграли командную встречу 2:4. Это был промежуточный этап, и с турнирной точки зрения ничего страшного не произошло. Конечно, на душе у нас было тоскливо, да и неприятно было потерять осязаемые призовые. А вот для Андреева поражение клуба всегда было катастрофой, и он ходил мрачнее тучи.

Мы вернулись в гостиницу расстроенными. На следующий день команде предстояло разъезжаться по домам. Собираемся все вместе в ресторане в Беляево проводить год, который мы заканчиваем вторыми вслед за нашими основными конкурентами. На носу Новый год, впереди перерыв в матчах на пару месяцев, и мы расстаемся с обещанием друг другу стать в этом сезоне чемпионами. Выхожу из ресторана, на душе кошки скребут, в душе – досада, в теле – алкоголь. «Как же я мог так проиграть Васе и поставить команду в сложное положение?» Вспоминаю, что рядом дом старой и хорошей знакомой, которую лет пять не видел. Решаю на снегу кока-колой большими буквами написать ей привет так, чтобы было видно из окна ее квартиры на 12-м этаже. Пусть прочитает надпись на снегу и попытается отгадать, кто мог такое учудить. Убеждаю себя, что проигравший спортсмен должен исправлять свои недоработки и быть готовым совершать подвиги! Колу купил, на снегу «Привет!» написал, подвиг совершил!

Сделал дело – гуляй смело! Так нет же, я решил подняться по лестнице, чтобы проверить, видна ли надпись с 12-го этажа. Ура, все замечательно: дурь крепка, надпись видна! Спускаюсь по лестнице, нога проскальзывает по ступеньке на льду... Щелчок, вспышка боли, и всем существом ощущаю, что в ноге что-то изменилось. Боль была настолько острой, что пришлось закусить руку, чтобы не потерять сознание. Осознаю, что порвалась передняя приводящая связка колена, которая уже пару лет беспокоила. В голове сразу мысли, как стрелы: операция, выбываю надолго из строя, а как же команда, уговор победить в чемпионате? Кое-как допрыгал до первого этажа. Нога болталась, как чужая, согнуть ее не мог. Привязал к ней какую-то палку и дальше уже прыгал на здоровой ноге. Вызвал такси и поехал в Битцу, в отель, к моим мгновенно ошалевшим от увиденного одноклубникам Регентову, Андрианову и Москаеву. «Друзья, простите, подвожу вас. Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – снова порвал связку.

Играйте пока без меня. Похоже, месяцев на шесть я не игрок». Знакомой дорогой еду в ЦИТО, где родные врачи подтверждают разрыв. Операция через два дня, восстановление приводящей мышцы надколенника займет полгода. Меня определили в ту же палату, где я лежал 13 лет назад. Даже медсестры меня вспомнили, хотя через палату за это время прошло несколько десятков спортсменов, артистов цирка и балета.

В первый раз я попал в ЦИТО в 1992 году с надрывом боковых связок надколенника. Это было за несколько месяцев до Олимпиады в Барселоне, куда я пробился через сито европейского отборочного турнира. Когда выходил из больницы, меня провожали как родного. Родовались и немного завидовали: многие знали, что скоро поеду на Олимпиаду. Тогда у меня был сумасшедший эмоциональный подъем. Впереди – подготовка к Играм и исполнение самой заветной мечты спортсмена. Но, как известно, хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах. Через полтора месяца, за три дня до начала Олимпиады, я вновь оказался в ЦИТО. Связка не выдержала и порвалась во время тренировки. Многие из тех, кто меня провожал, еще долечивались: «Как же так, Макс? Ты не поедешь в Барселону?» Это было крушением всех надежд. Я лег на койку и пролежал так полутора суток, упершись головой в стену. Только потом начал понемногу приходить в себя...

Боль была настолько острой, что пришлось закусить руку, чтобы не потерять сознание.

В этот раз в декабре 2005-го меня прооперировал врач Дмитрий Васильев, который 13 лет назад был помощником светила советской спортивной травматологии Зои Сергеевны Мироновой. Расходы по операции взял на себя «Факел». Связку сшили, наложили гипс, который сняли через полтора месяца.

После гипса нога не сгибалась. По законам реабилитации нужно за месяц после снятия гипса согнуть ногу в суставе до 90 градусов. Вспомнилась моя первая травма в 92-м. Тогда я думал всех удивить: быстро согнуть ногу, как положено, и вернуться в спорт. В 92-м году сустав сгибали с помощью гири, которую вешали на ногу. А как еще его согнешь, если связки и мышцы после гипса словно каменные?! Гирю в пять кило вешали максимум на пять минут. Процедуру сопровождала ноющая, пронизывающая насквозь боль, которая нарастала с каждой секундой! Один раз врач, следившая за процессом, ушла, и я пролежал под гирей минут пятнадцать. Сам подтянуть ее не мог. Лежал и терпел – хотел быстрее согнуть ногу. Когда врач вернулась, я был весь красный, в поту, почти без сознания. Она пять минут бегала вокруг, пытаясь привести меня в обычное состояние. Я не отключился, но пульс зашкаливал. Поднялся, поковылял в столовую. Взял вилку, а рука ходуном ходит, не попадая в рот. Поест так и не смог. Ребята отвели в палату, налили стакан то ли водки, то ли коньяка и заставили выпить. Помню, даже не опьянел, настолько сильным был стресс. Тогда я согнул ногу до 90 градусов за 22 дня. Тринадцать лет спустя пролежал в ЦИТО два с половиной месяца и вышел оттуда в середине мая на своих ногах.

И вот 9 июня 2006 года, первый день суперфинала. Я вошел в спорткомплекс «Черта-ново» и первым встретил Владимира Александровича Воробьева, тренировавшего женскую команду с Дальнего Востока. «С возвращением, Максим. Играть, надеюсь, не собираешься?» – спросил Воробьев. «Что вы, Владимир Александрович! Я что, совсем сумасшедший что ли?!» О моем желании сыграть в финале знали только Андреев и Владимир Ендролов, старший тренер «Факела». В первый день я только наблюдал со скамейки за игрой ребят, которые уверенно прошли в финал. Так же, как и наши конкуренты из Сорочинска.

День финала. Моя команда уже знает, что я готов играть. К столу не выхожу, чтобы не выдавать наших планов. Тренеры подают заявки на матч. Мне выходить вторым против Лакеева. По регламенту каждый игрок проводил по два матча, плюс парная встреча. Любой здравомыслящий человек в зале сказал бы, что Шмырев на костылях вряд ли у кого-то выиграет,

если только не произойдет чуда. Но мы с Андреевым понимали, что «Факел» в составе Андрианова, Регентова и Москаева для «ТНК-ВР» в финале стал бы легкой добычей. Под сильным психологическим давлением нашему лидеру Андрианову нереально было дать все очки. И мы решили рискнуть.

Мое появление в заявке на финальный матч было чем-то вроде психической атаки. Сорочинцы даже не предполагали моего участия. Сначала нервно посмеялись, затем задумались, потом вышли на финальную игру. И тут шансы «Факела», и без того невысокие, стали уверенно стремиться к нулю. Андрианов проиграл Ливенцову, и «ТНК» повел 1:0. По логике вещей хромой Шмырев – это минус два очка, и тогда для победы сорочинцам останется в четырех встречах набрать одно очко. Выхожу на матч с Лакеевым. Все помнят, что пять месяцев назад Вася обыграл меня, еще не хромого. Но в этот раз я был готов ментально и еще в больнице тысячу раз прокрутил в голове каждый удар. Вася, конечно, понимал, как и все в зале, что ему надо сыграть два раза косо по углам, и мне до мяча уже не дотянуться.

Мое появление в заявке на финальный матч было чем-то вроде психической атаки.

От той игры осталось ощущение какой-то магии. Желание победить было нереальным. Расписал каждое очко. Куда буду подавать подачу, вероятные приемы соперника, удары и поддачи. Абсурдно? Может быть. И все же сработало! Первая партия. Понимаю, что любой на месте Васи будет дергать меня в разные стороны. Это было просчитано заранее, и поэтому с первых же ударов мне нужно было самому гонять Васю по площадке, чтобы у него не оставалось времени думать обо мне. И вот счет... 10:0. В мою пользу! Инвалид, которого Вася недавно обыграл, ведет всухую! Непостижимо, однако мне удалось выиграть и второй сет 11:7, хотя было уже сложнее – тренеры подсказали Васе, что делать, да и он сам уже оправился от первого шока. В третьей партии Вася вел 11:10, и все могло перевернуться. Но мне удалось выиграть 3 очка подряд и победить 3:0! Я сумел преодолеть неверие, последствия травмы, сопротивление соперника и себя! В первую очередь себя! Счет 1:1 стал началом перелома в суперфинале.

Следующей была игра Регентов – Рубцов. Стальной Женя всегда был командным бойцом. Он выходил и бился. За три года, что мы играли вместе в команде, я поставил ему с десяток памятников. Не в прямом, конечно, смысле. Просто однажды, когда он спас безнадежную встречу, когда никто не ожидал от него победы, я сказал: «Женя! Ты заслужил памятник!» Все это приняли, тем более что я был капитаном. Похоже, неплохим, а мои друзья-одноклубники Регентов, Андрианов и Москаев говорят, что даже лучшим капитаном в их жизни. Этим я горжусь до сих пор.

Женьке я поставил больше всех памятников. Пятидесятый по рейтингу в стране, он обыграл в том матче одного из лидеров сборной России Игоря Рубцова. А ведь между ними была целая пропасть! В нужный момент, в нашей самой важной игре. Жека в том финале сделал чудо, получил от меня очередной памятник, а мы повели 2:1.

После победы Регентова у Сорочинска началась паника. Андрианов с Регентовым на кураже выиграли парную встречу, а затем Андрианов принес решающее очко – 4:1. Я был очень благодарен ребятам, которые избавили меня от необходимости выходить на вторую игру и уберегли Виктора Михайловича от лишнего валидола.

Ура! «Факел» – чемпион, и мы – лучшие!

Глава 2

Мое поколение

В 10 утра наш поезд Оренбург – Москва прибыл на Казанский вокзал, и мы сразу решили поехать в центр. Мы – это мой ровесник и лучший друг Дима Бобров и наш юный товарищ теннисист Вова Самсонов. Вечером Вова должен был возвращаться поездом в Минск, и мы как москвичи решили показать ему наш город. Домой не торопились и, закинув на плечи любимые баттерфляевские сумки, сразу отправились на улицу Горького (ныне Тверская) в популярное кафе-мороженое «Космос».

О сумках необходимо рассказать отдельно. Яркие, зеленые с синим, длинные квадратные баулы с фирменными бабочками по краям, они были предметом нашей гордости и в конце 80-х ценились на вес золота. Таких не было ни у кого, кроме игроков сборных, или людей, имевших доступ к государственной выдаче спортивной экипировки. Даже в Москве сумки Butterfly бросались в глаза, и по ним можно было сразу определить спортсменов.

Почему кафе «Космос»? Во-первых, потому что в Москве было три замечательных кафе-мороженых и два из них – на улице Горького. Во-вторых, в юности я мог есть мороженое килограммами. Особым шиком считалось смешать его с фантой или пепси. И хотя о вреде фанты или пепси говорили все тренеры, на сборах в гостинице «Спорт» на Ленинском проспекте они постоянно были у нас на столах. Нозми Семеновна Роберт, наш многолетний надежный и строгий врач юношеской сборной СССР и мама известного актера Дмитрия Певцова контролировала наше питание на сборах и пить их не запрещала. А питание было шикарное – на 20 рублей в день на человека, что в те времена было огромной суммой. В рационе сборников регулярно появлялась даже черная икра!

Но вот мы в «Космосе». Поели мороженого и, довольные, выходим. Вдруг на выходе какой-то мужик в дорогой дубленке и бобровой шапке, которые по тем временам считались предметами роскоши, опознал в нас спортсменов-теннисистов. У входа в кафе стоял «Мерседес», как оказалось, этого мужика. На улице Советский Союз, кругом «Волги» и «Жигули», а тут «Мерседес»! Такая машина явно была признаком богатства. А мужик говорит: «Привет, теннисисты! Я в спорткомитете работаю. Это я выдаю вам сумки и экипировку».

Мы переглянулись – странно как-то. Его мы не знали, но все пароли и явки сходились. Нас трое, и пусть Вове 12 лет, но нам-то с Димой – уже по 17 лет. Чего бояться? Мужик представился Славиком. «Вчера отправил сборную на чемпионат во Францию, – сказал он. – Вы же с соревнований? Проголодались, наверное? Давайте сейчас заедем в хорошее место, пообедаем. Заодно расскажете, как сыграли». Предположить, что с нами может произойти что-то плохое, даже в голову не приходило. Все-таки в советское время было относительно безопасно. Нам стало весело, а предложение выглядело заманчивым. И мы поехали – интересно же на «мерсе» прокатиться! Решили: в случае чего постоять за себя сможем. Прокатились по Москве, заехали на стадион «Динамо» в спортивный ресторанчик, но он оказался закрыт. Пообедали в роскошном кафе-ресторане «Мастер и Маргарита» на углу у Патриарших. Заведение еще не открылось, но хозяева узнали Славу и пустили нас. Помню, как мы втроем уплетали чудесные домашние пирожные. Впоследствии с Димкой Бобровым мы часто приходили в этот уютный ресторанчик.

Потом новый знакомый отвез нас в Сокольники: мы с Бобровым жили рядом, а Вова пошел ко мне в гости. На прощание Славик достал из багажника модную меховую шапку-пирожок, надел ее Вове на голову и сказал: «Носи! Царем будешь!» От неожиданности мы рассмеялись. Никто из нас тогда и не думал, что слова окажутся пророческими и Вова скоро станет «царем» настольного тенниса.

Конечно, все мы тогда мечтали о больших победах. Помню, как гордился, выполнив норматив мастера спорта СССР! А началось все в мои неполные семь лет, когда отец повел записывать моего старшего брата Алексея в секцию тенниса спортклуба «Шахтер». Меня взяли за компанию. Пока брата проверяли тренеры, папа завел меня в зал настольного тенниса. Там шло занятие. Евгений Олегович Эдель, который позже стал моим наставником, дал мне мяч для большого тенниса и задание его ловить, выпуская из рук. Он спросил: «Ну что, придешь заниматься?» После этого, как утверждает мой тренер, два месяца я ловил этот мячик, мешая всем тренироваться. Он вспоминал, как я пробегал насквозь под столами и ему советовали меня выгнать. Но Эделя привлекло мое упорство, и вскоре мне разрешили подойти к столу.

На прощание Славик достал из багажника модную меховую шапку-пирожок, надел ее Вове на голову и сказал: «Носи! Царем будешь!»

Первая ракетка эстонского производства, жесткая, с наполовину отлетевшими шипами мне досталась по наследству. Потом у меня недолго была зеленая вьетнамская ракетка, которую мне выдал тренер спустя полгода. На них училось несколько поколений советских теннисистов. Вскоре я получил уже настоящую ракетку с накладками, сделанными из обрезков. Сегодня такое трудно представить, а тогда накладок не хватало, купить их было трудно, и каждая «резина» стоила огромных денег – 70 рублей. Но даже из обрезков эта ракетка была уже инвентарем другого уровня. Потом несколько лет я играл слева накладкой Sriver, а справа Mark V. Это было стандартное спартаковское сочетание – Эдель был учеником самого знаменитого тренера СССР Сергея Давидовича Шпраха, работавшего в «Спартаке» в Сокольниках.

Игроком я начал себя осознавать в 8–9 лет. Первыми соперниками на чемпионатах Москвы стали техничный и эксцентричный Саша Соколов, цепкий и компанейский Сергей Носков, умный и тактичный Дима Бобров. Помню, как всей секцией на электричке добирались до станции НАТИ, где регулярно проводил юношеские соревнования Виктор Харлампиевич Чахуриди. Сам Чахуриди воспитал плеяду интересных спортсменов, выступавших за сборную Москвы.

Первую яркую детскую победу я одержал в двенадцать с половиной лет над 19-летним защитником, мастером спорта Олегом Матыциным, который в 2019 году занял должность министра спорта России. Эта победа стала возможной благодаря регулярным тренировкам с защитником Володией Голиковым, двухметровым лысым верзилой с непростой судьбой. Он играл, потом отсидел в тюрьме, но вернулся в настольный теннис. Володя был левшой, играл технично в защите и отлично атаковал ракеткой-доской «за 1 рубль 25 копеек».

По четвергам в родном «Шахтере» был день ветеранов, которые тренировались и бились на счет. В эти дни часто приходил игрок сборной СССР Валера Шевченко и играл с Голиковым на деньги. Все ветераны вокруг боялись вздохнуть. Когда Володя эффектным ударом слева выигрывал очко, он зычным басом на весь зал в воодушевлении кричал «Макинрой!», а после затяжных проигранных очков «Эээх, краешки-ребрышки!». Опаснее же всего было, когда он, проиграв очередную громадную сумму, со злости через весь зал в дальнюю стену бросал свою ракетку.

Первую яркую детскую победу я одержал в двенадцать с половиной лет над 19-летним защитником, Мастером спорта Олегом Матыциным.

Когда мне исполнилось 12 лет, Эдель начал натаскивать меня по игре против защиты. Я так набил руку, что в 14 лет на взрослом Кубке СССР обыграл легендарного защитника Игоря Солопова. Это было нереально, потому что сильное вращение и подрезки Игоря порой не могли «поднять» взрослые игроки во всем мире, не говоря уже про юношей, не обладавших для этого необходимой физической силой. Неподъемный «запил» Солопова я пробивал плоским ударом, который натренировал с Голиковым. Мне этот удар потом пригодился в пинг-понге. На том

Кубке СССР я навел шороху, обыграв еще и лидера сборной СССР, 15-ю ракетку мира и 2-ю Европы Андрея Мазунова.

Мои успехи не оставались незамеченными, и все же до 16 лет меня не брали на сборы юношеской национальной команды СССР. Ее главный тренер Владимир Александрович Воробьев вообще не понимал стиля игры, которого я придерживался. А я уже в 12 лет избрал очень рискованную, но перспективную игру близко у стола, постоянно используя эффективные и модные перекрутки со стола как справа (этим уже пользовались многие за рубежом), так и слева.

Техникой игры у стола тогда не владел никто в мире, поэтому научить меня этому никто не мог, и до многого мне приходилось доходить самому. Я понимал, что такая манера очень неприятна для соперников. По сути, моя быстрая игра не оставляла им времени на подготовку к удару и заставляла их дергаться и играть в неудобном быстром темпе. Недостатками моей игры были суэта у стола, обилие простых ошибок и ударов ребрами ракетки. Впоследствии такую манеру игры даже стали называть «шмыревщиной», что сначала меня раздражало, а потом я понял, что это уже термин для обозначения направления суперскоростной игры в современном теннисе.

В 13 лет я выиграл в Могилеве престижный международный мемориал Тани Карпинской, а вот на первенстве СССР среди кадетов стал лишь четвертым. И хотя за год это был мой единственный срыв, на юношескую Европу взяли не меня, а спартаковца Сергея Носкова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.